

- Empire // JRS. 1981. Vol. 71. P. 76–86 ; *Idem*. Ancora sui censi minimi delle cinque classe “serviane” // *Athenaeum*. 1988. Vol. 66. P. 273–302.
- ¹¹ *Lo Cascio E.* Roman Census Figures... P. 253.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Hin S.* Op. cit. P. 234–235.
- ¹⁵ *Coşcun A.* Studien zu den Rechten von Latinern und weiteren Fremden sowie zum Bürgerrechtswechsel in der Römischen Republik (5. bis frühes 1. Jh. v.Chr.). Stuttgart, 2009. 236 S.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 61–137.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 156–200.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 25–29.
- ¹⁹ *Gargola D. J.* Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill, 1995 ; *Idem*. The Gracchan Reform and Appian’s Representation of an Agrarian Crisis // *People, Land and Politics. Demographic*
- Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14 / eds. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 487–519.
- ²⁰ *Morley N.* The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // JRS. 2001. Vol. 91. P. 50-62 ; *Rathbone D.* The Development of Agriculture in the ‘Ager Cosanus’ during the Roman Republic: Problems of Evidence and Interpretation // JRS. 1981. Vol. 71. P. 10-23 ; *Rosenstein N.* Recruitments and Its Consequences for Rome and the Italian Allies // *Herrschaft ohne Integration? Rom und Italien in republikanischer Zeit* / hrsgg. von M. Jehne, R. Pfeilschifter. Frankfurt am Main. 2006. S. 227–241.
- ²¹ *Rosenstein N.* Marriage and Manpower in the hannibalic War: «Assidui», «Proletarii» and Livy 24.18.7–8 // *Historia*. 2002. Bd. 51. Hft. 2. S. 163–191.
- ²² *Morley N.* Op. cit. P. 59–61.
- ²³ *Ibid.* P. 60.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Rathbone D.* The census qualifications... P. 144.
- ²⁶ *Ibid.*

УДК 27–247.8

РОЛЬ ПАПИЯ ИЕРАПОЛЬСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИИ ОБ АПОСТОЛЕ ИОАННЕ БОГОСЛОВЕ

Д. В. Красников

Саратовский государственный университет
E-mail: krasnikovdv@mail.ru

Автор анализирует труд Иерапольского епископа Папия (ум. после 130 г.) и приходит к выводу о связи исследуемого текста с Евангелием от Иоанна. Эта связь позволяет установить влияние Папия на возникновение и формирование традиции об апостоле Иоанне Богослове.

Ключевые слова: Папий Иерапольский, раннее христианство, рецепция новозаветных книг, апостол Иоанн, апостольские мужи, история ранней Церкви.

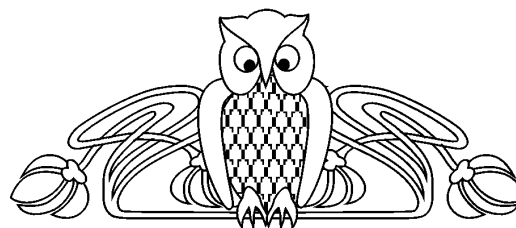
Papias' Role in the Emergence of the Church Tradition about St. John

D. V. Krasnikov

The author analyzes the work of the bishop of Hierapolis Papias (d. after 130 C.E.) and comes to conclusion about relations of his text to the Gospel of John. This allows to establish Papias' influence on the emergence and the tradition formation about the St. John.

Key words: Papias of Hierapolis, Early Christianity, reception of New Testament, John the Apostle, Apostolic fathers, history of the Early Church.

Папий Иерапольский – один из немногих христианских епископов начала II в., который мог сохранить и одновременно развить идеологию иоанновой общины. Связь труда Папия с текстами Иоанна Богослова, однако, должна быть доказана, путь к этому мы попытаемся указать в данной ста-

тье. Такая ранняя рецепция трудов Апостола, если она имела место, будет считаться одним из самых ранних свидетельств существования традиции об их авторе. Решение проблемы осложняется тем, что в сохранившихся фрагментах труда Папия «Истолкования слов Господних» нет ни слова о Евангелии от Иоанна.

Фрагменты Папия издавались неоднократно. Среди наиболее авторитетных изданий можно назвать труд Дж. Лайтфута и Дж. Р. Хармера¹, первое издание которого вышло еще в 1891 г., последние издания Й. Кюрцингера² и У. Кёртнера³. Переводы фрагментов Папия на русский язык собраны в издании «Писания мужей апостольских» с современными комментариями⁴.

Исследование фрагментов Папия Иерапольского в XX в. прибавило аргументов в дискуссию об авторстве Четвертого Евангелия. Это особенно ярко выразилось в полемике между Ч. Хиллом, представителем традиционного взгляда на авторство Евангелия от Иоанна, и Р. Бокхэмом, сторонником гипотезы об авторстве старца Иоанна⁵.

Среди исследователей нет единого мнения о датировке работы Папия, не говоря уже об отдельных данных его биографии. Дж. Лайтфут датировал его литературную деятельность приблизительно 130 г.⁶, в то время как Б. Ф. Весткотт – 140–150 гг.⁷, В. Бауэр считал Папия офици-

альным деятелем Церкви, заставшим появление монотанизма после середины II в.⁸

Особую точку зрения высказал шотландский исследователь Р. Ярбрух⁹, который считает необходимым и возможным пересмотреть привычную датировку деятельности Папия и отнести ее к 95–110 гг. В целом его аргументация позволяет датировать деятельность Папия, связанную с собиранием преданий старцев, приблизительно 110 г.

Однако письменную фиксацию этих преданий целесообразнее будет поместить позднее и связывать именно с увеличением числа «лжеучителей» к 130-м гг., что согласуется и с названием сочинения *Exegetica* духовного главы гностиков Василида. Эта позиция объясняет назначение труда Папия.

Целесообразно выяснить, как сочинение Папия охарактеризовано в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Hist. eccl. III.39). Сам Иерапольский епископ был озабочен собиранием заповедей «данных Господом о вере, исходящими от самой истины» (III.39.3)¹⁰. Можно сделать вывод, что его волновала проблема источников христианского учения. Он предпочитал «живой голос и пребывающий» – *zōsa phōnē kai menoysa* (III.39.4)¹¹ письменным повествованиям, созданным к тому времени.

Такое же отношение к письменному тексту видно и позднее у Евсевия (III.24.3), которого, однако, волнует вопрос боговдохновенности Евангелий. Поэтому он подчеркивает, что Апостолы или их ближайшие соратники брались за написание Евангелий «по необходимости», а не по собственной воле. Кроме того, они не были «искусны в словах» и поэтому только «с помощью Духа Божия и по Его указанию» разносили весть о Царствии Небесном, не умея тщательно подбирать слова и мало об этом беспокоясь. Не стоит видеть в этом отношении к письменному тексту просто преданность устной традиции или психологический фактор, на который обращает внимание Б. Мецгер¹². Причину следует искать скорее в эсхатологических представлениях автора.

Насколько надежные сведения удалось Папию собрать в своем сочинении, можно судить только по сохранившимся фрагментам и главным образом по сочинению Евсевия (Eus. Hist. eccl. III.39), который дал свою оценку «Истолкованиям». Для него этот труд был незаменимым источником информации по некоторым вопросам, например, о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея. Его особенно волновала проблема происхождения новозаветного канона и авторитета отдельных текстов. Первый церковный историк называет Папия в одном ряду с такими апостольскими мужами, как Поликарп Смирнский и Игнатий Антиохийский, что свидетельствует об авторитете иерапольского епископа.

Евсевий указывает четыре источника Папия. Первый – предания (греч. *paradoseis*), в которых

повествуется о чудесных событиях, связанных с деятельностью «апостола» Филиппа в Иераполе, об Иусте, по прозвищу Варсава, который «выпил смертельный яд и не потерпел никакого вреда». Эти рассказы о чудесных деяниях, по мнению Евсевия, заслуживают внимания (III.39.8–10).

Второй источник – «устное (букв. *неписанное*) предание» (греч. *paradoseis agraphai*). Его содержание Евсевий оценивает крайне негативно, к нему относятся «некоторые странные притчи Спасителя, нечто скорее баснословное (*mythikōtera*)» (III.39.11–13). Евсевий по-разному относится к просто «преданиями», которые до этого оценивал высоко, и к *paradoseis agraphai*. Это объясняется тем, что к последним относились идеи о тысячелетнем и плотском царстве Христа, еретического для Евсевия хилиазма¹³. Если Ириной, также разделявший идеи хилиазма, был непререкаемым авторитетом для Евсевия, то Папий выглядел как один из источников распространения ереси, в том числе и по отношению к самому лионскому епископу. По этой причине Папий получил от Евсевия негативную личную оценку: *sphodra gar toi smikros on ton noyn* («кибо был ума малого»; III.39.12. Пер. СПбДА).

Третий источник Папия – Аристион, ученик Господа, в передаче которого Папий приводит и «другие слова Господа» (III.39.14). Содержание этого предания нам неизвестно.

Четвертый источник – старец (пресвитер) Иоанн. Евсевий приводит его бесценные рассказы о происхождении Евангелия от Матфея и от Марка (III.39.14–16). Остальные рассказы (*paradoseis*) Евсевий рекомендует людям любознательным (III.39.14). Вероятнее всего, информаторами Папия были не Апостолы, и сомнительно, что это были непосредственные ученики Иисуса.

В целом, оценивая известное нам содержание труда Папия, можно установить, что наряду с ценной информацией, большую часть его составляли рассказы, рассчитанные на доверчивого слушателя – повествования о чудесных событиях, связанных с жизнью Апостолов. Из приводимых Папием собственно «слов Господа» известен только пассаж в духе хилиазма о прекрасном тысячелетнем царстве благоденствия (Iren. Adv. haer. V.33.4). Это позволяет охарактеризовать «Истолкования» Папия как сочинение, которое сочетало в себе различные формы, свойственные раннехристианской литературе (деяния, речения, легенды, истории и др.). Едва ли допустимо буквальное понимание большей части этих рассказов, поскольку они брались из многих источников, не всегда надежных.

Ни один из сохранившихся фрагментов, достоверно принадлежащих Папию, прямо не упоминает о том, чтобы епископ в своем труде писал о Евангелии от Иоанна, либо говорил о его происхождении¹⁴. При этом мысль о связи сочинения Папия с Евангелием от Иоанна невозможно игнорировать. На это указывает список из семи апостолов, приводимый Папием в предисловии

к его «Истолкованиям», последовательность которого совпадает с 1-й и 21-й главами Евангелия от Иоанна: «что сказал Андрей, что – Петр, что – Филипп, что Фома или Иаков, что Иоанн или Матфей» (III.39.6)¹⁵.

Папий, в изложении Евсевия, приводит сведения о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея, однако умалчивается его знание Евангелий от Иоанна и от Луки. При этом Евсевий прямо указывает, что Папий пользовался первым Посланием Иоанна (III.39.17), которое по своим идеям, стилю и выражениям очень близко Четвертому Евангелию. Здесь следует видеть умолчание Евсевия¹⁶. Андрей Кесарийский в своем «Толковании на Апокалипсис» утверждал, что иераспольскому епископу был известен этот труд Иоанна.

Связь фрагментов Папия о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея с так называемым Мураториевым канонем в части вопроса о порядке Евангелий вполне возможна¹⁷. Она создает почву для изучения общего в традиции о происхождении Евангелий, а именно предания о порядке изложения евангельских повествований. Эта тема звучит у большинства авторов, которые интересовались вопросом составления этих текстов (например, у Папия, Климента Александрийского, Иринея Лионского, в Мураториевом каноне).

Таким образом, подтверждается связь сочинения Папия с Евангелием от Иоанна. Однако невозможно утверждать, что в своем труде Папий прямо ссылался на текст Евангелия, либо на предание о его происхождении. Возможно, Папий собирал предания о возникновении других Евангелий, поскольку Евангелие от Иоанна было хорошо известно в его кругах, и ему требовалось объяснить различия между этими текстами. Письменные евангелия, ставшие впоследствии каноническими, и апокрифические в своих различиях порождали множество споров в ранней Церкви, этим может объясняться разочарование Папия в книгах. Возможно, всё это и подвигло его отыскать «живые голоса» тех, кто воспринял традицию не через книги.

Такое предположение несколько противоречит заманчивой гипотезе Ч. Хилла о том, что другой фрагмент у Евсевия (III.24.5–13) является пересказом неизвестного отрывка из Папия, названного исследователем «новым фрагментом».

В целом 24-я глава III книги «Церковной истории» Евсевия посвящена выбору «неоспоримых» (*anantirrhētoi, anantilektoi*) писаний апостола Иоанна, среди которых церковный историк выделяет Евангелие и первое послание Иоанна. Поскольку решается вопрос о несомненной принадлежности Евангелия апостолу Иоанну, Евсевий останавливается на проблеме разногласий в Евангелиях. Во фрагменте III.24.7 приведена причина, по которой Иоанн написал свое Евангелие: засвидетельствовав правдивость первых трех Евангелий, он заметил, что в них не достает рассказа о первых годах служения Христа. В пассаже III.24.11–13 подроб-

но повествуется о том, как ученики упрашивали Апостола поведать о том времени, которое не описано в первых трех Евангелиях.

Источником этого рассказа Ч. Хилл считает сочинение Папия Иераспольского. Исследователь доказывает, что вводные слова *katechei logos, phasi*, использованные Евсевием как указание на его источники, не означают, прежде всего, устные источники. «В большинстве случаев, где он вводит повествование этими словами, документ, на который он полагается, может быть указан как в ближайшем контексте, так и находиться у его предшественников, присутствующих на страницах его сочинения»¹⁸. Ч. Хилл рассматривает содержание фрагмента III.24.5–13 в сравнении с другими свидетельствами о Евангелиях и приходит к выводу, что этот отрывок является пересказом фрагмента Папия, поскольку содержит интересующую иераспольского епископа тему последовательности событий в евангельских рассказах.

К сожалению, автор статьи не обращает внимания, что *phasi* («говорят») с умолчанием имен может носить и негативный оттенок. Так, Климент Александрийский ссылается 17 раз на валентиниан, используя *phasi* и *legoysi*. К тому же подобное сходство можно объяснить не исключительно авторством Папия, но и существованием общего предания о порядке Евангелий, которое было отражено не только у Папия, но и в Мураториевом каноне, у Иринея Лионского и Климента Александрийского. В целом гипотеза Ч. Хилла не является общепринятой, однако она заслуживает внимания.

Тема порядка евангельского повествования, которую затрагивает Папий, удивительно проявляется в Мураториевом каноне, который также имеет много общего с пассажем III.24.5–13. Это позволяет говорить о развитии одной традиции, связанной с текстами и именем апостола Иоанна.

Евсевий приводит три прямые цитаты из Папия. Остановимся на самой важной из них: «Я не замедлю этими истолкованиями изложить по порядку все, чему я некогда у старцев хорошо научился и что хорошо запомнил, ручаясь за их истинность. Ведь я радовался не многоречивым [наставникам], как большинство, а тем, кто учит истине, не тем, кто помнит чужие заповеди, а [тем, кто помнил заповеди,] данные Господом для веры и от самой истины исходящие. (4) Если же куда-то приходил какой-нибудь последователь старцев, я расспрашивал о словах старцев: что Андрей, или что Петр сказал, или что Филипп, или что Фома или Иаков, или что Иоанн или Матфей, или кто другой из учеников Господних, и что говорят Аристион и старец Иоанн, ученики Господни. Ведь я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой голос и пребывающий» (III.39.3–4. Пер. М. Е. Сергеенко, уточненный и существенно исправленный)¹⁹.

А вот перевод первой половины 3-го стиха, предложенный Р. Бокхэмом: «Не поколеблюсь

изложить для тебя, вместе с собственными истолкованиями (*sygkatataxai tais hermēneias*), все, что в прошлом старательно разузнал, что тщательно запомнил (*emnēmoneysa*), за достоверность чего ручаюсь»²⁰. Очевидно, что современного исследователя волнует проблема достоверности евангельских повествований.

Иной перевод у Й. Кюрцингера, который видел в сочинении Папия элементы риторики: «Не поколеблюсь изложить для тебя в должном порядке (*sygkatataxai tais hermēneias*) все, что в прошлом старательно разузнал от старцев, что тщательно записал (*emnēmoneysa*), за достоверность чего ручаюсь»²¹.

У обоих переводчиков Папий предстает как историк, описывающий стадии своей работы. Вначале он спрашивает своих информаторов, затем делает памятные записи или наброски (*hupomnēmata*, в этом случае глагол *mnēmoneuō* и причастие *emnēmoneysa* означают не «запоминаю», а «делаю памятные записи»), далее оценивает их достоверность и, наконец, излагает события в своем труде. В качестве аналогии сторонниками этой версии приводится отрывок из работы Лукиана «Как надо писать историю» (47, 48). Подобный взгляд, безусловно, является случаем, когда исследователи приписывают античному автору современные им интересы, что недопустимо.

Р. Бокхэм, таким образом, пытается возразить сторонникам популярного представления о Папии, как об авторе, предпочитающем устную традицию письменной, указывая на то, что Папий на самом деле следовал передовой историографической практике, обращенной к живым голосам свидетелей²².

Обе точки зрения не объясняют содержания еще двух цитат из Папия, приведенных Евсевием. Особое внимание следует обратить на использование Папием в двух отрывках из «Церковной истории» (III.39.15–16), повествующих о создании Евангелия от Марка и от Матфея, глаголов *mnēmoneuō*, *apomnēmoneuō*, *syntassō*, существительных *hē taxis* и *hē syntaxis*. Если эти слова указывают только на поиск достоверных источников, тогда остается неясным мотив Папия: для чего ему нужны достоверные сведения о Евангелиях? Возникает и вопрос о степени их достоверности, если в основном они носят оценочный характер: так, Марк был переводчиком Петра и изложил *не по порядку* слова Господни, а греческий текст Матфея переводили кто как мог (III.39.15, 16). Наконец, зачем оценивать письменные тексты, если живой голос предпочтительнее? Выражение *zōsa phōnē kai menoysa* заслуживает отдельного внимания.

Кто же свидетели у Папия? Во-первых, он называет семь известных имен глав ранней Церкви. Число семь здесь не случайно и может указывать на полноту свидетельства этих людей как непосредственных учеников Христа (*toy Kyrioy mathētai*). Их он именует *hoi presbyteroi* («стар-

цы»), по отношению к ним использован аорист глагола *legō – eipen* («сказали»); это указывает, что они не были современниками Папия, поэтому их слова он получал от людей, непосредственно с ними общавшихся. Во-вторых, он указывает своих современников (глагол *legoysin* – «говорят» по отношению к ним использован в настоящем времени) – Аристиона и старца Иоанна, причем к Иоанну также применен эпитет *ho presbyteros*. Их он тоже называет *toy Kyrioy mathētai*.

Последнее *toy Kyrioy mathētai* неоднократно ставилось под сомнение, поскольку не подтверждается сирийским переводом Евсевия, выполненным не позднее 462 г. н.э. Т. Моммзен, П. Лагранж и др. исследователи придерживались мнения, что второе *toy Kyrioy mathētai* является интерполяцией в греческом тексте²³. Действительно, гораздо проще, на первый взгляд, объяснить добавление в греческий текст «Церковной истории» Евсевия этого выражения, чем понять, зачем сирийский переводчик его опустил, умаляя тем самым значение этих свидетелей²⁴.

В начале XX в. Б. В. Бэкон предложил вместо *toy Kyrioy mathētai* (ΟΙ ΤΟΥΚΥ ΜΑΤΗΤΑΙ) читать здесь *hoi toytōn mathētai* (ΟΙ ΤΟΥΤΩ ΜΑΤΗΤΑΙ). Подобная ошибка (ΚΥ вместо ΤΩ) встречается в рукописной традиции²⁵. Таким образом, Аристион и пресвитер Иоанн становятся учениками апостолов из группы семи, названной в начале. Это вполне соответствует сообщениям «Деяний», где старцы выступают вместе с апостолами (Деян. 15.6).

Как бы ни было привлекательно такое объяснение, вряд ли его можно применить в данном случае. Сам Евсевий считал старца Иоанна авторитетным деятелем, приписывая ему авторство «Апокалипсиса», а также другую ценную информацию, особо указывая, что Папий лично общался с Аристионом и старцем. Кроме того, Евсевий использует по отношению к этому Иоанну просто наименование *ho presbyteros* без имени. Это употребление можно сравнить со вторым и третьим Соборными Посланиями Иоанна, где в начале письма именно *ho presbyteros* обращается к Церкви.

В любом случае, если считать, что старец Иоанн в самом деле был *ho Kyrioy mathētēs*, то это не позволяет сделать вывод о его причастности к написанию Четвертого Евангелия.

Наблюдается интересное сравнение с категориями, которые использует Евсевий по отношению к раннецерковным лидерам. Евсевий мыслит категориями сложившегося монархического епископата, который опирается на представление об апостольском основании Церкви. Для него важен авторитет «Святых Апостолов», а не авторитет свидетеля и ученика. Авторитет апостолов не только в том, что они свидетели, но и потому что они святы (избраны), они – *критерий истины* и *основа Церкви*. Папий же рассуждает в категориях зарождающейся Церкви: для него важен именно

авторитет свидетеля и ученика, носителя живого пребывающего Слова. Евсевия волнует вопрос, имеют ли его источники апостольское происхождение. Папий, в свою очередь, озабочен точностью и духовным авторитетом передаваемого ему учения (*mathēmata*), поэтому для него принципиально указание на *hoi toy Kyriou mathētai*. Итак, ключ к пониманию связи иоанновой школы с Папием спрятан в комплексе текстов, а не в одном единственном толковании иерапольского епископа.

Таким образом, лишь осмысление всех трех слоев традиции (в обратном порядке – Евсевий, Папий, асийские старцы) позволяет обнаружить связь Иераполя и его епископа с Иоанном. Предания принадлежат двум абсолютно разным эпохам. С одной стороны, мы сталкиваемся со временем важных эсхатологических ожиданий (хилиазм) – это эпоха Папия и асийских старцев. Она наполнена сомнениями относительно необходимости составлять письменные тексты в условиях скорого установления власти Бога на земле. Однако невозможно было игнорировать уже имеющиеся на тот момент письменные «изложения слов Господа» (Евангелия). Апостольский муж пытался объяснить их появление, критиковал их, постоянно обращался к воспоминаниям о живых голосах свидетелей, но достоверно не известно, что еще он думал об этих текстах. Евсевий об этом умалчивает, но его молчание красноречиве всяких слов. С другой стороны, перед нами предстает кесарийский епископ, отец средневековой истории, озабоченный вопросом установления безусловных книжных авторитетов, окруженный кодексами, содержащими в себе свершившийся факт Канона, который не мог понять того, кто искал «живой и пребывающий Голос».

Примечания

- 1 The Apostolic Fathers: Greek Texts and English Translations of Their Writings. 2nd ed. / J. B. Lightfoot and J. R. Harmer, Editors and Translators. Grand Rapids, 1992.
- 2 Kürzinger J. Papias von Hierapolis und die Evangelien des Neuen Testaments. Regensburg, 1983.
- 3 Körtner U. H. J. Papias von Hierapolis: Ein Beitrag zur Geschichte des frühen Christentums. Göttingen, 1983.
- 4 Писания мужей апостольских. М., 2003.
- 5 Hill C. E. What Papias Said about John (and Luke): A 'New' Papias Fragment // J. of Theological Studies. N. S. 1998. Vol. 49. P. 582–629; Bauckham R. J. Papias and Polycrates on the Origin of the Fourth Gospel // Ibid. 1993. Vol. 44.
- 6 Lightfoot J. B. Essays on the Work Entitled Supernatural Religion. L., 1889. P. 150.
- 7 Westcott B. F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament. London, 1875.
- 8 Bauer W. Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity. Philadelphia, 1971. P. 72.
- 9 Yarbrough R. W. The Date of Papias: A Reassessment // J. of the Evangelical Theological Society. 1983. Vol. 26.2. P. 181–191.
- 10 Пер. СПбДА по изд.: Евсевий Памфил. Церковная история. СПб., 2007.
- 11 Здесь и далее древнегреческий текст приводится в латинской транскрипции.
- 12 Мецгер Б. М. Канон Нового Завета : Возникновение, развитие, значение. М., 1998. С. 52.
- 13 В 255 г. на поместном соборе Александрийской церкви хилиазм был осужден.
- 14 Возможное исключение здесь Eus. Hist. eccl. III.24.5–11, где, по мнению Ч. Хилла, Евсевий приводит пересказ Папия, не упоминая используемый источник; см.: Hill C. E. Op. cit. P. 582–629.
- 15 Об этом совпадении более подробно см.: Красников Д. В. Об авторстве Четвертого Евангелия // Векторы инновационного развития человека и общества : в 2 ч. Саратов, 2010. Ч. 1. С. 79–84 ; ср.: Bauckham R. J. Op. cit. P. 441–444.
- 16 Hill C. E. Op. cit. P. 582. См. также: Красников Д. В. О загадочном умолчании Евсевия (проблема интерпретации Hist. eccl. III.39.14–17) // Гуманитарные науки в XXI в. : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 23–27.
- 17 Hill C. E. Op. cit. P. 583–586 ; Bauckham R. J. Op. cit. P. 454.
- 18 Hill C. E. Op. cit. P. 590.
- 19 Пер. по изд.: Писания мужей апостольских. М., 2003.
- 20 Bauckham R. J. Op. cit. P. 45.
- 21 Kürzinger J. Op. cit. S. 77–82. Цит. по: Bauckham R. J. Op. cit. P. 45.
- 22 Bauckham R. J. Op. cit. P. 33–49.
- 23 Bacon B. W. The Elder John, Papias, Irenaeus, Eusebius and the Syriac Translator // J. of Biblical Literature. 1908. Vol. 27. P. 119 ; Dix D. G. The Use and Abuse of Papias on the Fourth Gospel // Theology. 1932. Vol. 24. P. 8–20.
- 24 Dix D. G. Op. cit. P. 10.
- 25 Bacon B. W. Op. cit. P. 119.